

ФЕЛЬЕТОНЪ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

Журнальные новости

Въ послѣдней книжкѣ „Севернаго Вѣстника“ впечатанъ рассказъ Кота-Мурмына „Сонъ художника Павлилова“.

Имя беллетриста, скрывающагося подъ псевдонимомъ Кота-Мурмына, довольно популярно и пользуется почетною извѣстностью. Никто никогда чего-нибудь большаго отъ этого писателя не ждалъ, никто его въ рядъ первоклассныхъ беллетристовъ не включалъ, но мы должны были признать за нимъ талантъ рассказчика, который умѣетъ привлечь читателя. Его вещи, небольшія по объему, были всегда содержательны, идейны и интересны. Общепонимно и Котъ-Мурмына рассказывалъ какой-нибудь случай не просто, а съ правдоучительною, педагогическою цѣлью; у него есть много очерковъ и сказокъ для дѣтей, нѣющихъ полное значеніе—научить „малыхъ сихъ“ уму-разуму и добродѣльной жизни. Онъ умѣетъ писать подобныя вещи достаточно занимательно и во всякомъ случаѣ не скучно, а ужъ для сообщенія морали и художества нужно несомнѣнное дарованіе, необходимъ дѣйствительный талантъ.

Одинъ словомъ, г. Котъ-Мурмыну всѣ знаютъ за писателя жанова и въ то же время серьезнаго; читатели его давно уже считаютъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, съ которыми пріятно и полезно провести нѣсколько часовъ. Естественно, что всякое новое появленіе такого знакомаго доставляетъ радость: вотъ идетъ человѣкъ, который развеетъ тоску и умиротворитъ душу! Г. Котъ-Мурмына—вотъ писатель, отъ котораго мы привыкли ожидать если не подлаго а не глубокаго, то по крайней мѣрѣ интереснаго!

Но... въ послѣднее время наши хорошие знакомые стали ходить таинственнѣе, сѣрнѣе и скучнѣе, какъ всѣ прочіе—или же нѣтъ легіона. Должно быть, отъ бездѣятности вынужденной жизни никто не уберется. Только сильныя таланты остались все тѣ же чистыми и неокоррumpированными источниками того „свѣта“, который долженъ „просвѣтить всѣхъ“; только они не даютъ жизни окончательно востаться и возбудить дѣятельность общественнаго сердца. А тѣ, кто пониже, очевидно, стремятся къ общему уровню..

Г. Котъ-Мурмына—не тотъ прунный и блестящій. А потому и этотъ нашъ короткий знакомый сталъ являться съ

длинъ чепухами, не выходящими за пределы чего-нибудь и интереснаго. По крайней мѣрѣ, нѣтъ теперь онъ пришелъ таинственнѣе, нѣтъ нѣтъ пріятно. По старой привычкѣ, онъ пробуетъ заинтересовать, увлечь, увлечь изъ дѣла прошлаго времени, гораче жестикулировать и усиленно подчеркивается, но изъ этого ничего не выходитъ. Вы видите, что Котъ-Мурмына сказать нечего, а нѣтъ эта гораче тономъ и выразительные жесты—такъ себѣ, нѣтъ чому.

Можете не читать „Сонъ художника Павлилова“; но такъ какъ онъ нѣсколько талантливыя беллетристическія, то ради заслуженнаго имени автора слѣдуетъ ознакомиться съ его послѣднимъ произведеніемъ. Вотъ его краткое содержаніе.

Художникъ Павлиловъ вернулся домой поздно. Свое занятіе онъ считаетъ „отвратительнымъ, подлымъ ремесломъ“ и желалъ-бы отдалиться отъ него, если-бы было тысячъ 40, 30 или хоть 20 дохода. Онъ вспоминаетъ о своихъ товарищахъ—о Вѣ, Раскодовѣ, Весюновѣ, Еремичевѣ, въ которыхъ вы легко узнаете зажиточныхъ художниковъ гг. Ге, Мисофдова, Васнецова, Вережягина. Павлилову кажется, что всѣ они ему предать, „каждая рукава сидитъ нагадать“. Но вотъ Бѣ производитъ рѣчь на тему о личныхъ обидахъ и взаимной зависти, которыя раздѣляютъ русскихъ художниковъ и таковыя образы подрываютъ искусство; онъ приглашаетъ забыть ссоры, сдѣлаться въ нѣтъ поднимать „свѣточъ искусства“. Павлиловъ думалъ объ этомъ; онъ сравнилъ людей вообще и художниковъ въ частности съ извозчиками, которые перегоняютъ другъ друга и лѣзутъ куда-то на гору. „Общая ногова за жирный кусокъ!“ И все-таки—она законна, естественна, реальна, в сонъ (это былъ дѣйствительно сонъ) о дружескихъ рѣчахъ Вѣ—ребята играшка, надоръ и „новобрачная ченуха“.

Рассказъ поченъ. Что онъ означаетъ и для чего его произвелъ на свѣтъ г. Котъ-Мурмына—сказать непонятно. Эту безсодержательную пробу пера читатель долженъ признать почтовому беллетристу; время такое сѣрое, неинтересное.. Г. Котъ-Мурмына, въ часѣ многихъ другихъ, отдаетъ дакъ „историческому моменту“, переживаемому нашею литературой.

Кто покрунѣе, тому и дается больше. Въ полбрыевой книжкѣ „Русской Мысли“ помѣщенъ новый рассказъ г. Чехова „Убіеніе“. По всей вѣроятности, много его уже прочитали, а остальныя прочтутъ, и потому передавать его содержаніе незначитъ. Забѣгаемъ только, что г. Чеховъ передаетъ исторію одного случайнаго братоубійства, а какъ-бы для

руч-2

образованного этого случая ему повсюду достать характеристический действительный лист, из жизни, из прав и впрямую. Вот из впрямую-то — и вся суть. Главные фигуры романа, Яков и Митяй Тороховы, всю жизнь прожигают из искания истинной вѣры и правды Яков думал: „Человек не может жить без вѣры и вѣра должна выражаться правильно, от года к году, по два в день из вѣдомости-серадет, чтобы каждое утро в каждый вечер человек обращался к Богу неслучайно с теми словами и мыслями, какие нравятся дающему даю и часу". У Якова Торохова была своя устан, которому он следовал поучительно. Но впоследствии он сам стал мучиться, что устан его — мертвая буква, обманывающая его в святой поинности, а он начал колебаться из своей вѣры. Помнящему, его ожидала та же участь, каков когда-то постигла брата Митяю — полное расхождение и переход из другой вѣры, лучше упрямой думой. Митяй не внял, не вынул, жалея отшельников и благодарил Бога, что он не создал его такими же, как „этот фарсен" — помы. Он его жаждал помы не на, стали говорить, что „Митяй святой, Митяй больших и больших нечеловек". Но помыслил умный и разудатый человек, Олимп Варлаамич, по признавший за него святого. Этот Олимп Варлаамич однажды так искренно и убедительно разговаривал из Митяем, так уныло возмущал из его совести, что горделивый святой Митяй повалился, сбросил с себя личную хитрость и стал жить как обыкновенный человек, но действительно — без грѣха. Он и Якову стал говорить: „обращайтесь, братец! помыслитесь, братец!" А братец слушать не хотѣл и продолжал следовать своему уставу, помыслитесь его устава не обнаружилась слышноват наглядно и разумительно. Убийство, повтора, произошло случайно, а не из помы главная суть романа г. Чехова; хороша и важна эта характеристическая лица простого знания, ищущих вѣры.

Таким же помыслим вещи двух не только видных представителей современной беллетристики: романа г. Чехова по правдой вѣры читается с интересом, хотя оставляет какое-то смутное впечатление; романа г. Кота-Мурлыки — просто пустыня, даже писателю не внимательный. Продолжать ли вслѣд этого обзор журналов? Будем продолжать, но только беллетристику оставим; перейдем к критике, транжущей о нынешней беллетристике.

Из октября нынешнего года возобновился журнал „Новое Слово", под дру-

гом редакц. Прошло уже несколько лет с момента г. Боровой, когда помыслил из ряда вон выходящий беллетристический талантливый О. Н. Писарев, который впрямую сел на место вѣры и с лучшей стороны. Намекая, что дело пойдет из удачи. Из критики и обзорной составил состав писателей: А. В. Абрамца, В. В. П. Н. Засодимский, М. Н. Златовратский, С. Н. Крыжанов, А. Н. Мамин, Никольский, А. М. Скабичевский, Е. М. Старицкий, А. П. Чехов — все это имена хорошо известные. В двух вышедших номерах „Нового Слова" прочтете это что. Два критика указывают на „Златовратский" и „Давидовича из впрямую" А. Обливинова, „Общественная профессия" Савицкого и на помы г. Скабичевского „Литература из жизни и жизни из литературы". Последней статьей им сообщается в вѣдомости.

Открытая редакция г. Скабичевского, естественно, жалеет сначала установление впрямую „общая правда", из которой, конечно, помыслим всякая нечеловечность. Он выискивает подати впрямую и даже определяет впрямую группу беллетристов.

Самая старшая, самая помыслим и самая влиятельная группа, по помыслим г. Скабичевского — это беллетристика черпающая сюжеты из народного бытия. Из начала этого течения следуют впрямую помыслим Д. В. Григорьевич; помыслим, беллетристика из народного бытия существует почти полвека. Возникновение ее, как вѣдомости, связано с помыслим моментом из истории нашей страны, когда серьезно поднялся вопрос об освобождении крестьян. Течение развивалось и развѣтывалось. Наступили 60-е годы. Все русское общество устремило свои взоры на народ, и беллетристика помыслим только впрямую отражением интересов тогдашних людей. Сама собой разумеется, что беллетристика старалась показать бедность народа и впрямую из них из этого направления до крайности; романы Иван. В. Успенского только и выходили, что грубость и забытость мужика. Сами, однако, это впрямую помыслим отклонение из народности впрямую, более трезвый и более глубокий. Деятели и Рязанский обратили внимание на гражданский и экономический быт мужика. Наконец, из 70-х годов г. И. Успенский и Н. Н. Златовратский берутся за исследование общественного склада народа, основных начал его, как стала говорить, уставы его жизни, сивитий, вставитий и впрямую впрямую впрямую, направляющих впрямую бытов. Гл. Успенский